

Фёдор Абрамов
В КРАЮ РОДНИКОВОГО СЛОВА
размышления писателя о духовном наследии Севера

Русский Север. Поморье. Или ещё – Двинское Заволочье, как его в старину называли новгородцы, первые русские насельники здешних мест. Родная, ни с чем не сравнимая земля отчич и дедич. Край невероятных просторов, раздолья и воли (Север никогда не знал ни ордынского ига, ни крепостного права), край редкого богатства и редкой красоты, которая и поныне ещё не утратила своего первозданного очарования.

Беспредельные леса, кишмя кишевшие зверем и птицей, многоводные реки и озёра, серебряные от плещущейся рыбы, белые колдовские ночи и ошеломляющее величие северного сияния – таким увидели этот край первые русские пришельцы.

Но Север – не сказка, не Беловодье, не та обетованная земля, о которой веками мечтало крестьянство. Север – это тощие, худародные подзолы и супеси, с которых в зяблый год не соберешь даже семян. Север – это бесконечная зима с непролазными снегами и лютыми морозами. Север – это штормы и бури Студёного моря. И потому Север – это работа, работа и работа.

И удивительно ли, что именно на этой земле выросло особое племя русских людей – поморов, людей великого мужества, выносливости и терпения, людей предприимчивых, «быстродумных» и, я бы добавил, «государственников» по духу своему и складу мышления. Ведь именно они, поморы, первыми прорубили окно в Европу, сделали свою столицу – город Архангельск – первыми морскими воротами России, из среды поморов вышли наши первые землепроходцы, ещё четыре века назад бесстрашно и дерзко бороздившие на своих немудрёных судёнышках Ледовитый океан. Отсюда, из Поморья, началось то грандиозное движение русского народа в Сибирь, на Восток, которое известно под завораживающим названием «встреч Солнцу».

Но и свой край, свою землю, с великим трудом отвоёванную у леса, у болот, у моря, уделявали и украшали северяне. Дивные, прославившиеся на весь мир каменные и деревянные храмы (достаточно назвать такую жемчужину северного зодчества, как Соловки), бесподобные бревенчатые дома-богатыри, дома-крепости с их неизменным деревянным конём, горделиво восседавшим на двухскатной тесовой крыше, символом крестьянского счастья и благополучия, амбары, целой улицей выстроившиеся на передках села...

Однако, быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры – это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер. Слово, которое и сегодня сохранило строй и дух русского языка древнейшей поры, времен Господина Великого Новгорода, и уже одно это делает его краем наших истоков, наших духовных начал, ибо язык народа – это его ум и мудрость, его этика и философия, его история и поэзия.

На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем, будь ли то обычная бытовая речь или по местному «говоря», то ли песня и сказка, то ли героическая былина и искромётная скоморошина, то ли задиристая и забористая частушка.

А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова? Занесло, скажем, артель зверобойную в кромешные льды грозного океана – ну и чем, как не словом, укрепить пошатнувшийся дух, скрасить невыносимое житьё?

Давно вымерли в южной и средней России такие мамонты русского национального эпоса, как былина и историческая песня, а здесь, на Севере, ещё в XX веке они жили своей полнокровной жизнью, и маленькая неграмотная старушонка с Пинеги Мария Дмитриевна Кривополенова, известная на родине больше под ласковым именем Махоньки, уже в советские годы изумила и покорила просвещённую столицу своими знаменитыми старинами, поэтическими преданиями, словно выплеснувшимися из глубины веков.

Но, конечно, волны цивилизации и прогресса, далеко не всегда животворные, докатились и до заповедного края, и сегодня здесь редко услышишь старинную тягучую песню, сегодня почти полностью угас вместе с обрядом цикл свадебных песен. Да и сказка, эта неразлучная спутница человека во все времена и во все эпохи сказка, которая, казалось, коренится в самой природе нашего мировосприятия, – где она сегодня? Разве что в ребячьем сердце, да к то, если его опекает и баюкает старая бабка, сама замешанная когда-то на сказке.

Народно-поэтическое творчество Севера всегда жило в дружбе с книжной культурой. Крестьяне Севера превосходившие грамотой собратьев других губерний, сплошь и рядом были владельцами личных библиотек, и не случайно, что факел учёности на Руси зажжёт крестьянский сын из-под Холмогор Михайло Ломоносов.

Пройдут немногие десятилетия, и русская литература по своему идейному и нравственному накалу станет самой мужиковствующей литературой в мире. В лучшем смысле этого слова. И это, несмотря на дворянское и разночинное происхождение её мастеров. Отныне народное словотворчество Севера, особенно после того как в конце XIX - начале XX веков русская общественность познакомится со знаменитыми былинами, записанными в Карелии и на архангелогородчине, станет постоянно питать и обогащать русскую и советскую литературу. Назову хотя бы двух таких писателей, как Михаил Пришвин и Леонид Леонов, жизненные орбиты которых не раз пересекались с Севером.

А Борис Шергин, Алексей Чапыгин, Степан Писахов...

Три литературных кряжа, три русских классика, возвращённых архангелогородчиной, Поморьем, похожих друг на друга, как родные братья, и в то же время таких разных, таких непохожих.

Писания Бориса Шергина, несравненного Певца соломбальских корабелов и тружеников Студеного моря, – это, говоря его словами, гимн жизни, песня красоте, это стихи в прозе, прославляющие духовное величие и смирение, братство и артельность, на которых извечно стоит Север. Молитвенно-чистое, высоко духовное слово Шергина вобрало в себя и безыскусную красоту разговорной речи, и жар, и благоухание красноречия древности, и торжественную напевность и образность былины, песни, и справедливо называют его поэтической душой Севера.

В характере Алексея Чапыгина, напротив, выиграла поэзия северных просторов, северного раздолья и воли. И есть глубокая закономерность в том, что именно он стал творцом первого исторического романа в советской литературе, автором живописных эпических полотен, в которых с такой силой запечатлена свобододолюбивая стихия русского человека.

Степану Писахову суждено было оставить после себя всего лишь один небольшой сборник сказок, но сказок столь самобытных, столь неподражаемо оригинальных, что сочинителя их можно смело причислить к первым сказочникам мира. И опять-таки почва, на которой выросли и всколосились его сказки, – народное словотворчество, на этот раз, главным образом, скоморошина с её безудержной фантазией, буйством слова и вымысла, где всё перемешано – и бывальщина и неслыхальщина.

Я упомянул здесь лишь трех выдающихся северян-прозаиков. Но Северу есть чем гордиться и в поэзии. Николай Клюев, к примеру. Поэт, пропевший лебединую песню русскому расколу, тому сложному многовековому явлению, костёр которого раздувал ещё неистовый Аввакум. А недавно, так безвременно ушедший от нас Николай Рубцов, эта надежда русской поэзии, – разве его не северная земля породила?

Ныне, к великой радости всех северян и патриотов Севера, заново отстраивается столица Севера – Архангельск. Город мореходов, рыбаков, лесопильщиков. На берегах Двины в сказочно короткое время по существу вырос новый каменный город – с просторными улицами и площадями, с современными благоустроенными жилыми домами и дворцами культуры, с красивой, может быть, не знающей себе равных широченной набережной, под стать великой реке, которая беспредельно, как море, разливается под Архангельском.

Разумеется, в новом городе будет увековечена и четырёхвековая история Архангельска, такие преславные дела северян, как освоение Арктики, революция и гражданская война, как их военный и трудовой подвиг в годы минувшей войны.

Ну а дух Севера, то, что придавало когда-то, в пору деревянных построек и мостовых, самобытную неповторимость и особое очарование Архангельску, – как он будет сохранён? Прекрасно представлена материальная культура прошлого в Малых Корелах. Но как будет увековечено словесное искусство Севера, мир сказки и былины, незабываемые имена Марии Кривополеновой, Марфы Крюковой, Алексея Чапыгина, Бориса Шергина, Степана Писахова?

Ранней весной, когда половодьем взыграют северные реки и озера, с юга, из теплых краёв и стран, возвращаются на свою родину неисчислимы стаи птиц. А там, немного подсохнет да проклюнется зелёная травка, смотришь, потянется на Север и всякий странствующий люд.

Зачем? Ради чего горожане нередко неделями терпят бездорожье, разные неудобства быта? Не для того ли, чтобы приобщиться к животворным истокам национальной культуры, чтобы красотой и словом Севера возвысить свою душу, свой дух?!

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник: В краю родникового слова: размышления писателя о духовном наследии Севера / Фёдор Абрамов // Советская Россия. – 1983. – 1 февр.